

10. Митин И. И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 3. М.: Институт Наследия, 2006. С. 64–82.
11. Čuto Eugenija. Язык и графика студенческих граффити: дис. ... д-ра филол. наук. Задар, Хорватия, 2014. 222 с.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

© М. А. Симоненко

Ссылка для цитирования:

Симоненко М. А. Тексты малых письменных жанров в культурном пространстве города // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия: научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань: ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. № 1 (4). С. 5–11.

УДК 316.344.6

ПОНЯТИЕ «ИНВАЛИД»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В. А. Парамонова

Волгоградский государственный университет

Статья посвящена анализу использования различных терминов при обозначении лица с инвалидностью. Отношение к лицу с определенными недостатками здоровья в обществе формировалось от полного неприятия до отказа от негативного восприятия таких людей. Для первого подхода характерно использование грубых формулировок. Вторым подходом был сформулирован христианством, провозгласившим человеколюбие как богоугодное дело. Несмотря на распространение второго подхода по отношению к лицу с инвалидностью с I в. н. э., вплоть до второй половины XX в. было характерно использование грубых формулировок («калека», «неполноценный» и др.). В 70-е гг. XX в. получает распространение нейтральная терминология («лицо с ограниченными возможностями» и т. п.). На современном этапе сформировалось два противоположных взгляда (прогностический и семантический) на правомерность использования понятия «инвалид». Представлены обоснования употребления понятия «инвалид» на современном этапе в правовой и медико-социальной документации.

Ключевые слова: термин, инвалид, инвалидность, прагматический подход, семантический подход, лицо с ограниченными возможностями.

“DISABLED PERSON” AS A NOTION: SOCIOCULTURAL ANALYSIS

V. A. Paramonova

Volgograd State University

The paper reviews various approaches and terms used to describe disabled persons. Social attitude to disabled people altered from total rejection to assumption of positive view on such people. The first approach is characterized by use of coarse language. The second one was formulated by Christianity proclaimed humanity as godly matter. Despite dissemination of the second approach since the 1st A.D., until the second half of the 20th century it was still typical to use a lot of coarse language to address disabled people (“cripple”, “defective” etc.). In 1970s neutral terminology starts to be the main trend («handicapped person» etc.). Now we can see two opposing approaches (prognostic and semantic) to the legality of the concept “disabled person”. The paper gives grounds to usage of the notion “disabled person” in legal and medical social documents.

Key words: term, disabled person / invalid, disability, pragmatic approach, semantic approach, disabled person.

Уровень гуманизации общества проверяется по отношению к самым слабым его членам – старикам, детям и людям с ограниченными возможностями. На протяжении веков трансформировалось отношение к данным группам населения [1–5 и др.]: от полного неприятия до правовой защиты. Реакцией на старение западного мира стало появление модели города «для пожилых», когда физическое и социальное пространство максимально ориентировано на потребности людей «третьего возраста» [6, с. 232–236]. Проблемы подрастающего поколения призвано решать ювенальное право [см: 7; 8]. Вопросы сохранения здоровья прорабатываются как на государственном, так и на международном уровне [2; 9]. Несмотря на развитие системы здравоохранения и правовых основ защиты здоровья населения, по данным Организации объединенных наций каждый десятый житель планеты имеет инвалидность [9; 10, с. 10; 11]. По оценкам экспертов Всемирной

организации здравоохранения, в структуре населения в мире прослеживается устойчивая тенденция роста количества людей с инвалидностью: так, ежегодно около 20 млн человек получают увечья [9; 11; 12, с. 69]. Эта тенденция обусловлена рядом неблагоприятных факторов: ухудшением экологической ситуации, техногенными и природными катастрофами и пр. Свыше 13 млн россиян относятся к группе людей с ограниченными возможностями, что составляет 10 % населения страны [8; 9; 13, с. 152; 14].

На протяжении веков сформировались две противоположные позиции по отношению к человеку с определенными недостатками здоровья: от полного неприятия (изоляция или физическое уничтожение «неполноценных» членов общества) до отказа от негативной установки в отношении этой группы населения. Первая позиция [10, с. 10; 15, с. 103–104; 16, с. 18] по отношению к «болезненным людям» сложилась еще в древности. Идея совершенного тела, разрабо-

танная в пространстве древнегреческого/древнеримского мира, сформировала определенное отношение к «отклонению от нормы», выражавшееся в подозрении, ужасе, презрении, нездоровом интересе, насмешке и т. п. [13, с. 162], хотя могла проявляться и в более радикальных формах (например, в Спарте младенцы с физическими отклонениями обрекались на гибель). В средневековой Европе, несмотря на распространение христианства, сформировалось неприязненное отношение к людям с психическими или телесными отклонениями. Ведь инвалидность, по мнению средневекового европейца, была вызвана действием сверхъестественных сил и являлась карой за грехи [13, с. 158]. В XX в. позиция полного неприятия людей с инвалидностью получила распространение в фашистской Германии. По некоторым источникам [9], в период с 1939 по 1944 г. было уничтожено 300 тыс. «умственно дефективных» людей. Такой подход по отношению к «нищим духом и телом» [15, с. 104], сформирован восприятием людей с инвалидностью как «других», «чужих», людей, которые находятся вне пределов «нормальности».

Вторая позиция начала формироваться также в древнем мире и не столько определялась бытовым уровнем отношения к «болезненным людям», сколько несла в себе определенный символический смысл (например, богиня правосудия Фемида, чей физический недостаток – слепота – должен рассматриваться как фактор беспристрастности судейства). Следующим шагом в распространении данной позиции стало принятие иудаизма, христианства и ислама [16, с. 18], провозгласивших милосердие и человеколюбивое отношение к убогим и сирым, когда забота о «нищих духом и телом» стала рассматриваться как одно из богоугодных дел. В период Реформации [16, с. 18] предпринимались попытки индивидуального обучения детей с проблемами зрения и слуха. С XVIII в. началось провозглашение права «болезненных людей» на труд, социальную и медицинскую помощь [16, с. 18]. По окончании Второй мировой войны изменяются взаимоотношения индивида и государства.

Анализ различных источников позволил М. Г. Муравьевой [13, с. 160] выделить в истории развития европейского общества два основных периода в отношении к людям с инвалидностью: 1) доиндустриальный, когда любые отклонения от «нормы» воспринимались как греховность человека; 2) индустриальный, когда происходит понимание природы инвалидности и значимости для общества включения в его жизнь всех его членов, в том числе и «болезненных людей».

Отношение к инвалидам в России развивалось, в принципе, по тем же направлениям, что и в Европе, хотя и имело свою специфику. На протяжении веков нищие и убогие являлись объектом благотворительности православной церкви, получая кров и стол в монастырях [13, с. 161]. Неким исключением из правил, пожалуй, является указ 1823 г. «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников», среди которых, несомненно, оказывались и люди с инвалидностью. Однако, как отмечает М. Г. Муравьева [13, с. 161], процентное отношение инвалидов и здоровых требует уточнения, ведь условия этапирования были таковы, что первоначально здоровый человек мог достаточно быстро пополнить ряды «болезненных людей».

Свою специфику в государственную политику по отношению к «болезненным людям» привнес и XX век. Социальная политика военного и послевоенного периода была направлена, с одной стороны, на изоляцию этой группы населения в специализированных интернатах, учебных заведениях и т. п., а с другой – на формирование централизованной помощи инвалидам: от предоставления услуг и денежных выплат до создания рабочих мест на специально оборудованных предприятиях [1, с. 120–125; 3, с. 10–18; 14]. В результате такой политики, как отмечает Е. С. Фоминых, у «нищих духом и телом» сформировалась, во-первых, боязнь общения со здоровыми людьми, а во-вторых, представление о себе как особом «сострадательном» слое, «которому все должны в силу их «обиженности Богом» [15, с. 104]. В постперестроечной России предпринята попытка внедрения второго подхода – включения «болезненных людей» в общество, делая жизненное пространство населенных пунктов более доступным [1, с. 120–125; 3, с. 10–18; 14].

Разнообразие позиций по отношению к людям с инвалидностью получило свое отражение как в использовании определенных понятий, посредством которых обозначается человек с определенными недостатками здоровья в политико-правовой практике и в быту, так и во внедрении определенной модели инвалидности. Анализ словарных и научных статей, правовых документов позволил выявить наличие разнообразных языковых маркеров, обозначающих людей с инвалидностью: «калека»; «убогий»; «инвалид»; «неполноценный»; «человек с ограниченными возможностями» и пр. [1, с. 119–120; 11, с. 12–13; 17, ст. 406]. В современной нормативно-правовой практике, в документах медико-социального характера и ряде научных работ принято употреблять понятие «инвалид» (слабый, немощный) [7; 10, с. 10–11; 11; 17, ст. 406], и совершенно не употребляются такие

грубые формулировки, как «убогий», «калека», «неполноценный» и т. п. При этом подобные слова имеются во всех языках мира: так, в славяноязычном пространстве употреблялись слова «калека», «каліка», «kaieka»; в испаноязычном мире – «minusválidos» (неполноценный); в немецкой группе языков – «Krüppel» (калека); в англоязычном мире – «Cripple» (калека); в персидской группе языков – «kalak» (изуродованный, обезображенный); в армяноязычном пространстве – «kał» (парализованный, хромой) [10, с. 10; 18, т. 2, с. 166, т. 4. с. 143]. Наличие в языковых картинах мира достаточно грубых слов для обозначения людей с инвалидностью свидетельствует об определенном отношении общества к данной группе населения.

Пожалуй, исключением из правил являются языковые маркеры ограниченных возможностей «убогий» (увечный) и «инвалид» в славяноязычном пространстве. Из этимологии слова «убогий» видно, что оно происходит от праславянского «bogъ» + приставка «и», причем «bogъ» имеет два значения: «Бог» и «достояние, доля» [18, т. 1, с. 182, т. 4. с. 143]. Наличие приставки «и» позволяет предположить, что используется первое значение «Бог» и тогда значение слова «убогий» – «у Бога». Изначально оно не обладало негативным оттенком, присущим иным определениям людей с инвалидностью, хотя на современном этапе и приобрело его.

На первый взгляд, языковой маркер «инвалид» обладает определенным отрицательным значением – «бессильный» [19, с. 155], хотя и не имеет столь ярко выраженных негативных оттенков, как понятия «калека», «неполноценный» и др. Включение слова «инвалид» в активную лексику русского языка произошло во времена Петра I: тогда оно обозначало старого воина, который не способен «к строевой военной службе из-за полученных увечий или ран» [цит. по: 20]. В этот исторический период инвалидами именовали военнослужащих, перешедших на штатские должности для продолжения карьеры [12, с. 69; 16, с. 11]. Данный языковой маркер имел и положительный, почетный оттенок, поскольку обозначал человека хотя и потерявшего здоровье, но на государственной службе. Со второй половины XIX в., как отмечает В. В. Рожков, инвалидами начали именовать и штатских лиц, получивших увечья во время военных действий [12, с. 69]. И лишь после окончания Второй мировой войны инвалидами стали называть всех, кто имеет физические или психические ограничения жизнедеятельности [12, с. 69]. И на всем протяжении включения слова «инвалид» в разряд активной лексики данное понятие сохраняло определенный негативный оттенок в общественном сознании, так как

имело привязку к понятию «нетрудоспособность». Существующий негатив, пожалуй, можно объяснить и тем, что индивид, обладающий определенными заболеваниями, бросающимся в глаза, воспринимается в обществе как неполноценный актер социального взаимодействия. Несмотря на существующий негативный оттенок, данное слово активно используется в международном языковом пространстве [2; 7; 9; 21]. Ведь в базовых нормативно-правовых документах активно используется именно понятие «инвалид», а не какие-либо иные слова, посредством которых обозначаются «болезненные люди».

На современном этапе в западноевропейском обществе достаточно активно используется понятие «people with disabilities» – «люди с ограниченными возможностями» [22, с. 127], которое пришло на смену грубому обозначению «болезненных людей». Так, в Германии вместо «Krüppel» используется «Behinderte», в англоязычном мире «Cripple» заменено на «Disabled person», то есть грубое обозначение «калека» сменилось на политкорректное «человек с ограниченными возможностями» [10, с. 11]. В российском обществе, как отмечают исследователи [12, с. 69; 23, с. 244], общественные организации инвалидов предлагают использовать корректные понятия:

- а) «человек/лицо с ограниченными возможностями», «человек/лицо с ограниченными возможностями здоровья», «человек/лицо с задержкой в развитии», а не «инвалид», и уж тем более не «калека»;
- б) «человек, перенесший полиомиелит», а не «жертва полиомиелита»;
- в) «человек, использующий инвалидную коляску», а не «человек, прикованный к инвалидной коляске»;
- г) «человек, имеющий ДЦП», а не «человек, страдающий ДЦП»;
- д) «слабослышащий», а не «глухонемой».

По мнению Е. М. Рузаева, подобная замена позволит ослабить противопоставление «здоровый – больной», а значит, не будет вызывать негативных эмоций [23, с. 244]. В свою очередь В. Шарыпов подчеркивает, что важно «утвердить такие формулировки, которые подчеркивали бы возможности людей» [цит. по: 24].

Данная позиция разделяется далеко не всеми. Так, В. В. Рожков [12, с. 70] полагает, что отказ от термина «инвалид» и переход на нейтральные «человек/лицо с ограниченными возможностями», «человек/лицо с ограниченными возможностями здоровья», «человек/лицо с задержкой в развитии», «человек/лицо с ограничениями жизнедеятельности», «человек/лицо с особыми потребностями»

ничего принципиально не поменяет, а лишь происходит размывание понятия; к тому же это не позволит определить, «в какой же сфере жизнедеятельности у данного лица ограничены возможности» [2]. Как отмечает В. Шарыпов, «пять лет назад в Америке провели конкурс на самое этичное название инвалида. В итоге организаторы получили 60 тыс. вариантов. Мы пока тоже находимся в поиске» [цит. по: 24].

Вопрос подбора термина – это, по сути, вопрос выбора того или иного подхода к обозначению людей с инвалидностью – прагматического и семантического [10, с. 10]. Сторонники прагматического подхода выступают за сохранение в нормативно-правовой, медико-социальной практиках слова «инвалид». Свою позицию они объясняют следующим:

- во-первых, попытки замены закрепленного в нормативно-правовых документах термина «инвалид» на иные, не имеющие подобной фиксации, «некорректны с точки зрения права»;

- во-вторых, изменение термина, которым в нормативно-правовой документации обозначаются «нищие духом и телом», может повлечь за собой «основание для отказа данному лицу в этой помощи»;

- в-третьих, как уже отмечалось ранее, понятие делается «более размытым»;

- в-четвертых, терминами «человек/лицо с ограниченными возможностями», «человек/лицо с ограниченными возможностями здоровья» и т. п. может обозначаться любой человек, поскольку каждый имеет те или иные ограничения физического плана, что не позволяет каждому индивиду заниматься абсолютно любым видом деятельности;

- в-пятых, любое понятие может получить уничижительный оттенок в обыденном использовании; примером может служить наличие негативного смысла у понятия «патриот» в 90-х гг. XX в. в России;

- в-шестых, термин «инвалид» является устоявшимся, активно используемым в нормативно-правовой практике не только в России, но и на международном уровне;

- в-седьмых, «толерантные» термины не имеют унифицированного написания – «Behinderte», «Disabled person», «человек/лицо с ограниченными возможностями», «человек/лицо с ограниченными возможностями здоровья», «человек/лицо с ограничениями жизнедеятельности», «человек/лицо с особыми потребностями», что будет затруднять использование терминов в международной юридической и медико-социальной практике [12, с. 70; 23, с. 244].

Представители второго подхода (семантического) ориентированы на отказ от термина

«инвалид» и замену его на слова, имеющие нейтральные значения, например, «человек/лицо с ограниченными возможностями», «человек/лицо с ограниченными возможностями здоровья» [10, с. 11]. Учет критических замечаний со стороны прагматиков обусловил появление новых понятий («человек/лицо с ограничениями жизнедеятельности», «человек/лицо с особыми потребностями» [10, с. 11]), которые рассматриваются как альтернатива слову «инвалид». Подобные понятия свидетельствуют об изменении отношения к инвалидам в российском обществе, позволяющее включить «немогущих телом и духом» в разные сферы жизни социума.

В связи с тем, что прагматический подход используется в нормативно-правовой и медико-социальной практике, он и получил большее распространение, чем семантический. Как следствие, термин «инвалид» оказался наиболее востребованным в современной активной лексике; к тому же он не требует перевода на различные языки мира.

Следует отметить, что существует потребность в корректировке использования понятия «инвалид» в правовой практике в России и на международном уровне. Так, анализ нормативно-правовых текстов международного и российского права, проведенный Е. М. Рузаевой [23, с. 244], выявил, что один и тот же термин – «инвалид» – имеет некоторые отличия в трактовках. Так, в Декларации о правах инвалидов (1975) инвалидом называется «лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденный или нет, его или ее физических или умственных способностей» [7]. В свою очередь, в законодательстве Российской Федерации предложено следующее определение: инвалид – это «лицо, которое имеет нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящим к ограничениям жизнедеятельности и вызывающим необходимость его социальной защиты» [25].

Таким образом, в обществе на протяжении веков формировались установки от полного неприятия людей с инвалидностью до толерантного отношения к тем, кто «выбивался» из представлений о человеке и его возможностях, что и было зафиксировано в законодательствах как отдельных государств, так и мирового сообщества с использованием определенных терминов – «инвалид» и «человек с ограниченными возможностями».

Список литературы

1. Больницкая А. Н. Инвалиды и общество // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4 (122). С. 119–127.
2. Инвалидность. Руководство для парламентариев № 14 – 2007: От социальной изоляции – к равенству: Осуществление прав инвалидов : руководство для парламентариев: Международная конвенция о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней / ООН; Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека ; Межпарламентский союз возможности. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/1045228-1-invalidnost-rukovodstvo-dlya-parlamentariev-2007-2007-socialnoy-izolyacii-ravenstvu-osuschestvlenie-prav-invalidi.php> (дата обращения: 01.02.2016).
3. Нечаева С. М. Качество жизни инвалидов в контексте социальной политики : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2005. 20 с.
4. Пластинина Н. Инвалиды. Взгляд снаружи и изнутри. URL: <http://www/tpo-personal.ru/lawissue.html?2307> (дата обращения: 01.02.2016).
5. Полосин Д. Инвалиды за рубежом // Профессиональное образование. Столица. 2006. № 3. С. 8а.
6. Парамонова В. А. Современные городские модели «для пожилых» // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. 2011. Т. 24 (63). № 3–4. С. 231–238.
7. Декларация ООН «О правах инвалидов» : принята в г. Женеве 9 декабря 1975 г. на 13-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ратифицированная Российской Федерацией). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 01.02.2016).
8. Количество инвалидов в России составляет свыше 13 млн, сообщила Голикова / Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/news/73433/> (дата обращения: 02.02.2016).
9. Вопросы здравоохранения / Официальный сайт «Всемирная организация здравоохранения». URL: http://www.who.int/topics/urban_health/ru/ (дата обращения: 02.02.2016).
10. Популярная медицинская энциклопедия / глав. ред. А. Н. Бакулев, Ф. Н. Петров [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1963. 1256 ст.
11. Воеводина Е. В. «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий // Человек. Общество. Инклюзия. 2014. № 4 (20). С. 10–15.
12. Всемирная программа действий в отношении инвалидов : принятая резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1982 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=112 (дата обращения: 04.02.2016).
13. Рожков В. В. Инвалиды – кто они? Социально-правовая идентификация // Уровень жизни населения регионов России. 2005. № 11–12. С. 69–74.
14. Муравьева М. Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 2. С. 151–166.
15. Рекомендации МОТ № 99 «О переквалификации инвалидов» (Женева, 22.06.1955 URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=108 (дата обращения: 02.02.2016).
16. Российский статистический ежегодник. 2011 г. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 02.02.2016).
17. Фоминых Е. С. Психологические аспекты взаимодействия в системе «здоровый – инвалид» // Сборник конференций НИЦ. Социосфера. 2011. № 22. С. 103–106.
18. Яковлева Е. М. Поощрение и защита прав инвалидов в международном праве : дис. ... канд. юр. наук. М., 2016. 269 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 4. 864 с.
20. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка : более 5000 слов. Киев : Рад. шк., 1989. 511 с.
21. Мезенин С. Г. Инвалиды, их образ жизни в современном российском обществе (на примере Республики Бурятия) : дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2004. 149 с. URL: <http://www.dislib.net/soc-struktura/invalidy-in-obraz-zhizni-v-sovremennom-rossijskom-obwestve.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
22. Чуксина В. В., Комиссаров Н. Н. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 1. С. 126–134.
23. Рузаева Е. М. Соотношение понятия «инвалид» в российском и международном праве // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 6 (50). С. 242–244.
24. Важдиева Н. Всею свое имя // Новые известия. 2007, 26 июня. URL: <http://www.newizv.ru/society/2007-06-26/71588-vsemu-svoe-imja.html> (дата обращения: 12.02.2016).
25. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) / Официальный сайт «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8559/ (дата обращения: 03.02.2016).

© В. А. Парамонова

Ссылка для цитирования:

Парамонова В. А. Понятие «инвалид»: социокультурный анализ // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. № 1 (4). С. 11–15.